Геннадий Лопатин

Без
чисел
и
дат

Книга поэзии

Гомель
Республиканское унитарное предприятие
«Центр научно-технической и деловой информации»
2003

ББК 84-5(4Беи)

УДК 82.1

Л77

Л77 Лопатин Г.И. Без чисел и дат. Книга поэзии.- Гомель: Республиканское унитарное предприятие «Центр научно-технической и деловой информации», 2003.- 50 с.

ISBN 985-6522-35-8

Множество оттенков цвета и звука, впечатлений и настроений, образов и чувств, звучащих гармонично, составляют жизненное пространство стихов Геннадия Лопатина.

Их отличают тонкая подлинность восприятия, словесная многозеркальность и прихотливое смысловое эхо, выверенность ритмов и рифм.

Определяющим для поэта является осознание неповторимости, радостно-доверчивой прелести жизни. Красотой мира и любуется автор нежно и бережно, словно держа в руках драгоценность.

ISBN 985-6522-35-8

ББК 84-5(4Беи)

УДК 82.1

Цветомузыка Геннадия Лопатина

Предисловие - не Млечный путь. Не разле-тишься Вифлеемской звездой, предвещая рождение Мессии. К счастью, задача у меня скромнее: сказать о рождении поэта, что тоже, согласитесь, - событие чрезвычайное. Известно ведь: членов СП Беларуси или России может быть столько, сколько в стране граждан, любезных начальству. Настоящие поэты не чаще, чем в засуху дождь.

Бесполезно выискивать «родичей» Геннадия Лопатина в литературе, скорей что-то родственное его стихам можно встретить в графике. Да и вообще ему удалось сохранить автономию души от государства, истории, назойливой действительности, социальных проблем. Живет без оглядки на классиков и современников. Разве что перелистает недооцененных провинцией Леонида Губанова да Вениамина Блаженного.

Из всего разнообразия тем, идей, художест-венных средств Геннадий Лопатин выбрал цвет, линию, музыку. Они и являются единственным содержанием этой книги.

Юрий Фатнев

Ëþäìèëå

Èçáðàííîå

твой голос подключен к камину и свечам
свечением луны прозрачно-голубиным
ты голосом огню диктуешь переливы
твой голос подключен к камину и свечам

ты выходишь к свеченью луны
ты выходишь к свеченью звезды
как выходишь к реке или к озеру
ты выходишь к свеченью луны

и думаешь
Боже!
как будет красиво
как будет изысканно и голубино
и руки с застывшими каплями глины
напоминают чаши рябины

сверни ладони в полушарья
затем одну к другой примкни
и словно ковш их протяни
я поделюсь с тобою данью

полученною от рябин
от августа от перелеска
рябин рифмуется с рабынь
а перелеска с царским жестом

за то мне это приношенье
что я с поэзией в родстве
за то что воспою их рденье
как бусы на груди твоей

в большой ковшик рябины больше
в большой ковшик рябины больше
в большой ковшик рябины больше

уроки музыки у ангелов берешь
а ангелы трубу предпочитают
и как с балкона с облака свисают
одной рукой облокотясь на дождь

вот это свет луны
вот это свет звезды
а это фонарей
их можно разделить
их можно различить
на серебре
торжественного голоса трубы
или
на развороте серебристых крыльев

а где-то ближе к завершенью ночи
берешь ладонью голубой поток
и левого мизинца ноготок
напоминает бисерный замочек

пастухи выгоняют скот
прикасаясь вербой слегка
первый раз его из вотор
на зеленые на луга

первый дождь или первый град
но спокойствие во крови
в моем складне-кресте лежат
голубые глаза твои

твое вербное воскресение
мое вербное песнопение
твое вербное прикосновение
во удачу и во спасение

двадцать первое
двадцать вербное
тридцать первое
тридцать вербное

черная птица с розовым гребнем
черная книга с эпиграфом красным
смотришься в озеро
смотришься в небо
перебираешь одежды и астры

во избежанье сравнения снега
с нитями кукольного театра
сценой своей уходящего в небо
лепишь из снега нежность и негу

левой к восходу
правой к закату
сводишь ладони ковшика чашей
и перекатываешь агаты
семечко розы и камешек яшмы

в театре теней чуть левей сонета
приходит прозренье
бежевый цвет вымеряется цветом
бежевым только более древним

бог дал тебе имя лицо и одежды
я дал тебе больше
я дал тебе повод
к бежевым пятнам и линиям между
цветом и словом
словом и словом

(ремарка -
в сплетеньях теней на асфальте
в вереска полосах
ходит любимая
в бежевом платье
с бежевым поясом)

сиреневая с белым пополам
и синяя как лунное свеченье
сирень пройдет по голубым стихам
устраивая цветопредставленье

я говорю пройдет а не прошла
чтоб в жанре вести а не эпилога
возвысить храм июньского тепла
поставить храм июньского восторга

я говорю по голубым стихам
чтоб напрямую избежать названья
пространства предоставленного нам
ночной звезды свеченьем и сияньем
в противоборстве утренней заре
ее злаченым и пурпурным граням

и говорю сирень чтобы сирень
прошла по ним восторгом восклицанья

на стыке бежевых стихий
на зеркалах гадать нелепо
но можно начинать стихи
со слов «Сирень уходит в небо»
соединяя в октябре
рожденное с рожденным в мае
нас любит белая сирень
и обожает голубая

этот август будет без имени
и оставит сентябрь без отчества
он останется просто высочеством
в этой роли воспетый гимнами

в день Успения Божьей Матери
и еще на день Маккавеевый
освящу запах ветки сиреневой
сохранившийся в нашей памяти

мы засыпали в поездах
и просыпались на вокзале
нас фонари не привечали
а привечала нас звезда

возвышенна и голуба
и приходило пониманье
где невозможно по губам
читать
возможно по дыханью

это действие вдоль голубого и синего цвета
не имеет названья
а тему
закончилось лето

осень
праздники проще
не нужна этим праздникам площадь

прощай оттенок темно-синий
идущих по воде кругов
с кувшинками посередине

нас воспоют на небесах
и повенчают облаками
и возведут в пурпурный сан
и роли отведут не в драме
а в пасторали или в храме

ты будешь в платье темно-красном
в котором снег похож на астры

два-три часа под знаком Мандельштама
попытка выжить до прилета птицы
оранжевой до скрипа половицы
до ангела идущего из храма

вот это слог голубо-бело-птичий
вот это слог с прозрачными штрихами
но в паузе между двумя слогами
есть даже время чтоб об электричке
на восемь пополудни помолиться

ты прилетишь оранжевою птицей

колыбельная для Натальи

мы оборвем слова на полуслове
раздвинем штор цветное полотно
уходят страхи в черное окно
к звезде Полярной и к созвездью Овен

уходят страхи будто мотыльки
такими видит их воображенье
чтоб их привлечь к сиянью и свеченью
уходят страхи будто мотыльки

и если не сжигают их огни
голубо=синей линией фонарной
падут на землю от звезды Полярной
серебряною льдинкою они

в твоем окне большие облака
мое перегорожено ветвями
и если хочешь говорить стихами
для самых первых слов ученика

нет ничего прекрасней облаков
ты о себе придумаешь преданье
деревья вырастали для того
чтоб женщина в прозрачном одеянье

между деревьев розовый восход
протягивала тоненькою нитью
и облака развешивала от
полночных улиц чтоб отгородиться

они прозрачно свешивались в такт
ветвям и снам она могла клонить их
и розовыми делал их закат
или восход оставшийся от нити

сводишь рисунком влюбленные лица
взгляды друг в друга единым движеньем
все для того чтоб пришло ощущенье
образов ангела бабочки птицы

преобладаешь рисунка искусством
образ и облик в одном состоянье
все для того чтоб пришло пониманье
крылье
мы крылья единого чувства

такого как ангел
такого как птица
такого как бабочка
в небе кружится

стихи не повторяются однако
поэзия поэзии урок
синонимичны Пастернак и Блок
и Лермонтов синоним Пастернаку

не подобрать синонимов к словам
не подобрать синонимов к значеньям
и только стены храма Покрова
стоят синонимом стихотворенью

мы говорим на языках таких
где звукоряд как мера и порядок
я написать хочу тебе стихи
на музыку Бориса Пастернака

затем чтоб не исчезла синева
за синевой закреплено свеченье
как ипостась между ветвей сирени
как свет звезды в пространствах Рождества

и значит можно наши впечатленья
от Млечного над августом пути
изобразить как натюрморт свеченья
не очертив в нем контуров светил

запомнюсь тем что август раздробя
его окрасил синим колоритом
чтобы небес рождественской открыткой
и в августе приветствовать тебя

ангелы со мной не говорят

З.

Г.

среди прозрачно-серебристых дат
есть промежуток в середине года
где ангелы со мной не говорят
а ожидают твоего прихода

и в полвторого гасят фонари
затем чтобы нельзя между словами
фонарный свет беря его руками
серебряным пространством растворить

и даже то что над землей темно

по небу ходит ангел
с серебряною трубой
голос трубы голубой
с розовыми штрихами

и ходит по небу ангел
и голос трубы его
розовый с синевой
и сиреневыми штрихами

и ходит по небу ангел
и голос его трубы
сиреневый с голубым
с серебряными штрихами

месяц нависнет бровью
в таверну скрипач войдет
он пьет за мое здоровье
и обо мне поет

он любит мой взгляд и волос
и губы и сам мне люб
вложи ему строить голос
по линии этих труб

в тот год была красивая зима
как будто это музыка сама
руководила паданием снега
итак зима январь картина века

и если смысл бывает в красоте
то можно б так закончить в эпилоге
январь стоял раскинувши метель
как самый главный замысел эпохи

но перед этим видимо назад
вернемся чтоб и на скрижалях чувства
отметить что изящному в искусствах
предшествует изящный звукоряд

здесь выделяю звукоряд шагов
которым можно перейти границы
беды и горя и остановиться
на аромате яблок и цветов
на свете звезд и голосе трубы
уйти в себя и избежать судьбы

все шло к тому чтобы приснился ангел
и ничего не выделил светлей
чем то что называем звукорядом
увековечить снегом на земле

за гранью Микеланджело Буонарроти
перевернем страницы старых книг
и не о нас окажутся они
в конечном счете
и с тем что было некогда пристрастьем
пересечемся в плоскости искусства
изящного отдельного от чувства
счастья

и достоверность живописи словом
нас отделит от остальных поэтов
подблюдных песен схожесть не основа
такой же схожести и в пасторали
и в величанье свадебном невесты
так два восторга после двух печалей
так два салюта или две фиесты
две площади Флоренции и Рима
между собою не сопоставимы

луной невестой птицей в развороте
верну тебя в предел Буонарроти
чтоб никогда ни птицей ни луной
назад не перейти его границы
в пределе этом есть одна страница
где есть одна строка о нас с тобой

1
фонарный свет пересекает путь
в деревьях обозначенный аллеей
и нет определения вернее
чем перекресток двух миров
побудь
хотя бы самоолицетвореньем
хотя б недолго в образе дождя
затем чтобы потом предотвращать
когда по поводу стихотворенья
возникнет так
«между значеньем слов
и посвященьем к строкам есть пространство
заполненное гримом и убранством
но все-таки еще не естеством»

2
если я стал для тебя предсказуем
я выполнил миссию Пигмалиона
мы вышли туда
где за гранью безумия
уже совпадаем
до полутона
до полутени
до цветосмешения
в эпитете к вереску
к ветке сиреневой

ты бабочек рядишь в небесные цвета
в изяществах твоих изысканность фрейлины
и до тебя никто еще не сочетал
оттенок голубой с названьем голубиный

зачем
когда
и кто
назвал вживаньем в образ
воспоминанье
о
цветных метаморфозах

ты была бабочкой
и была ты на взлете
ты была бабочкой над синевой сирени
и потому быть может достоверен
цвет бабочек на синеве полотен
но это было
видимо
давно
твои глаза подробности забыли
и цвет полотен достоверней линий

Триптих твоих ладоней

1
архангел Михаил возьмет твою ладонь
и линии на ней глазами жадно тронет
и вознесет тебя поскольку до него
никто еще не пел по линиям ладони

архангел Михаил твою ладонь возьмет
и переплавит меч на струны и литавры
и переплавит щит оставит небосвод
забудет навсегда небесные забавы

архангел Михаил дотронется руки
и все вокруг нее и вдоль нее увидит
не дальше берегов вдоль заводей реки
не дальше берегов
не дальше берегов

2
ладонь левой руки
ладонь правой реки
не близнецы
не двойники
ладонь левой руки напоминает тюльпан
правой излучину реки Иордан

3
эта женщина начинается с ладони

Флоренция ты ирис нежный
А. Б.

эту землю я сделал своей
витражами сведя ее зданья
это видимо воспоминанья
о далекой далекой земле

если взглядом теперь проведу
по проемам оконным
так венки на Купалье плывут
по Днепру
и по Дону

я отдал ее низ чебрецу
голубому на синем но прежде
я дал повод другому певцу
называть ее ирисом нежным

простор полночного окна
до форточки открытой сдвину
и подарю тебе картину
и назову ее Луна

к рождественскому интерьеру
луны рождественский овал
подскажет свой материал
из книг с подвесок для портьеры

двенадцать елочных кистей
в двенадцати углах свисают
и эти кисти украшают
шары двенадцати страстей

шары двенадцати тонов
и каждый будет так подвязан
что будто два огромных глаза
два отражаются в одном

звуки в слове прозрачно-сиреневы
паузы вдоль слова прозрачно-розовы
искры звучащие высекают кремнями
искры в молчании падают звездами

у тебя ладонь такая белая
и линия на ней самая длинная
уходит вершиною в кисть рябинную
такую красную такую спелую

у тебя есть платье черное-черное
ты сошьешь себе платье синее-синее
и еще одно платье длинное-длинное
и цветы на нем будут желтые лилии

мы вышли в пространство как будто без чисел и дат
и только с вершины с паренья с полета
можно увидеть течение года
вперед заглянуть и вернуться немного назад

оттенками цвета их между собою связав
я выстроил дни по таким торжествам и премьерам
что если подняться над ними как ангел к примеру
увидишь то белый то синий то розовый зал

и если подняться над ними как солнце в апреле
затем чтоб все сразу представить в пространстве листа
сиреневой веткой рассыпанной по лепесткам
окажутся пятна сиренево-синей пастели

вино
пролитое на скатерть
вишнево-красное
сполна
ты оправдаешь цветом платья
рубинового полотна

и чашей с башенками вишен
и капельками вишен в ста-
канах белого вина
но где-то к розовому ближе

и в черно-бежевом уборе
войдет архангел Гавриил
то ли с дарами в виде зорий
то ли с дарами от зари

не сочетается ночлег
со словом праздничный
но праздник
плодов оранжевою вязью
на красно-черном хрустале
и проступает синева
под черноплодною рябиной
на скатерти и по гардинам
и в красно-черных кружевах
вознагражденьем за талант
смешать январь июнь и небо
за день до января и снега
декабрь напоминает март

уходит ветер в паруса
уходит ангел в небеса
за декораций гобеленом
имеет смысл имеет цену
все то что тянется оттуда
пронизывая гобелен
между цветами в феврале
воспоминаньем о сирени
луны и зеркала свеченьем
нас голос труб поднимет в небо
и голос арф в цветы опустит
аквамарин похож на слепок
из снега августа и грусти

деревья вскинувши ветвями
почти Орантами стоят
виденье во Влахернском храме
прорезалось сквозь листопад

зелено-желтый шелк кружится
затем чтоб мы и дерева
изобразить сумели в лицах
сюжет с названьем Покрова

святые мы иль не святые
решение невдалеке
не желтый лист а плат Марии
удерживаешь на руке

так только бабочки и птицы
умеют небом восторгаться
и то что в небе серебрится
по цвету сравнивать с акацией

и в небе синее свеченье
и в небе синее мерцанье
по цвету сравнивать с сиренью
по цвету сравнивать с геранью

и дерева на стыке марта
с апрелем без листвы на кронах
стоят вдоль марта и вдоль сада
оградой для непосвященных

если в розовый пруд
и серебряный пруд
бросить камень
который зовут изумруд

то по синим кругам
и зеленым кругам
можно так же гадать
как гадать по рукам

кругом самым зеленым
нагадаешь обряд
выпускать махаонов
и ангелов в сад

в майском небе зияет дыра
темнотой
пустотой
поднимись на воздушных шарах
и останься
звездой

я не видел чтоб был звездопад
звезды падают поодиночке
и минуешь ты ад
жизнь земная короче

световых твоих лет
световых твоих бед
световых твоих глаз
световых твоих нас

тебе приснятся белые снега
и медленно как будто по равнине
по ним пойдешь но будет так пока
ты не увидишь что ветвям рябины
ты параллельна и твои следы
идут лучом от половиц до ската
и снег не снег а стеарин застыл
стеной длиннее городской ограды
такой стеной ее подножья ты
не перейдешь и не охватишь взглядом
а поцелуй летит через ночной
через уснувший через мертвый город
зазимовавшей птицей перуновой
он залетит в открытое окно

перечеркнем месяцеслова книги
перечеркнем листы календаря
не будет августа и сентября
а расцветут пионы и гвоздики

не типографским красочным листком
с изображеньем солнечного края
пространство года мерить предлагаю
цветущим садом прямо за окном

и если будешь ты вести дневник
то будут в нем обозначаться даты
примерно так
пионы день десятый
или четвертый месяца гвоздик

сандаловых деревьев плоть
твоей предназначалась плоти
но обращаться к ним господь
предначертал когда на взлете
а не исходе мастерства
но выше чем пределы взлета
бросают тени дерева
в примуловую позолоту
на травах тени зелены
оранжевы в цветах камелий
а по ночам цветные тени
в цветные переходят сны

сердце мое зал для скрипки с оркестром
ему предлагают горе с гобоем
как будто не сами выбрали место
как не для себя был нами построен
как не для себя был нами возвышен
храм голубиный лебяжий весенний
розовый бежевый тема излишеств
может быть только в излишней сирени
и в серебре чрезмерном сонета
я серебром распадусь на монеты
август не выдаст сентябрь не освищет
мало ли нищих

дом выверен до скрипа половицы
под бабочкой
под Велесом
под птицей
до пуговицы найденной в сирени
до голоса твоей виолончели
и голоса «Я выучусь ходить
на флейте тенью за виолончелью
затем чтоб в жанре головокруженья
щепоть рябины
вереска щепоть
придумать платья бежевую плоть»

ночные бабочки нас не берут в полет
на поезда кончаются билеты
и голубою краской небосвод
окрасится в дыхании рассвета

любимая
я все-таки поэт
и собственному следуя сюжету
взяв в топку паровозную билет
я не сгорю в ней а живым приеду

я ничего у неба не просил
само собою выйдет в этот вечер
что совпадет Крещение Руси
с тысячелетьем нашей первой встречи

автор
выражает
благодарность

семье
Гузик Светланы Ивановны

редакции газеты
«Голас Веткаўшчыны»
главному редактору
Юрченко Николаю Николаевичу

за помощь
в издании
этого
сборника

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

Лопатин Геннадий Исаакович

Без чисел и дат

Книга поэзии

Компьютерный макет А Чы Жоу
Обложка Л. Голубевой
Портрет Е. Агиной
Ответственная за выпуск М.Березовская

Республиканское унитарное предприятие
«Центр научно-технической и деловой информации»
Лицензия ЛВ №308 от 26.09.2000 г.
246050, г. Гомель, пр.Ленина, 3

Подписано в печать 27.10.03 г. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 3,02. Уч.-изд. л. 0,96. Тираж 100. Заказ 3127.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
РУП «Центр научно-технической и деловой информации»
Лицензия ЛП №115 от 29.12.2002 г.
246050, г. Гомель, пр.Ленина, 3

ISBN 985-6522-35-8

